
УЛЬЯНА ВОЛЬНЯНСКАЯ
18+
НИТЬ СКВОЗЬ МГЛУ

Ульяна Вольнянская

Нить сквозь мглу. Мистический роман о любви, памяти и цене молчания

«Издательские решения»

Вольнянская У.

Нить сквозь мглу. Мистический роман о любви, памяти и цене молчания / У. Вольнянская — «Издательские решения»,

После гибели мужа Лера начинает слышать его голос во сне.
Но вскоре выясняется, что Артём скрывал от неё тайну, связанную с заброшенной Лесной станцией и женщиной, чьё прошлое кто-то пытался уничтожить.Почему Артём вернулся в горящее здание? Кого он пытался спасти? И действительно ли его голос продолжает приходить к Лере по ночам? Чтобы узнать правду, ей придётся заново познакомиться с человеком, которого она любила.

© Вольнянская У.
© Издательские решения

Содержание

Нить сквозь мглу 6
Ульяна Вольнянская 6
ГЛАВА ПЕРВАЯ 7
ГЛАВА ВТОРАЯ 10
ГЛАВА третья 22
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 32
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Нить сквозь мглу
Мистический роман о любви, памяти и цене молчания

Ульяна Вольнянская

© Ульяна Вольнянская, 2026

ISBN 978-5-0071-6886-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нить сквозь мглу

Ульяна Вольнянская

Эта книга посвящается памяти
Владимира Г. и Анастасии К.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Ноябрьский дождь

Ноябрьский дождь весь день стучал по жестяному карнизу. Лера прижалась виском к оконному стеклу; холод пробирался сквозь кожу, но она не отстранялась. Она считала удары: шестьдесят, восемьдесят три, сто. За домом с железным скрежетом проходил трамвай, заглушал капли, и счёт обрывался. Лера начинала сначала.

В кухне напротив женщина мыла окно. Она старательно обводила тряпкой петли рамы, а за её спиной поднимался пар из кастрюли. На стекле остался светлый круг; женщина протёрла его ещё раз. Лера неожиданно рассердилась на это тёплое кухонное усердие. Чужое окно можно было вымыть, чтобы из него снова кого-то увидеть. В её собственном окне уже не появится Артём, идущий от остановки к подъезду.

Вещи Артёма обнаруживались там, где их не ждали. Отвёртка возле телевизора. Ключница из доски и четырёх крючков, которую он собирался покрасить. Стикер «хлеб» на холодильнике — он клеил такие напоминания, потом сам же ходил мимо них. Горсть мелочи в морозилке. На её вопрос «зачем?» Артём сказал: «Дело проверяю». Какое именно дело, так и не объяснил. Лера открыла морозилку вчера и впервые не стала вытаскивать монеты.

Пока он был жив, она считала всё это беспорядком. Теперь каждый раз, взявшись за вещь, останавливалась: куда её положить, если хозяин уже не придёт?

С Артёмом бывало нелегко. Он не любил неожиданных прикосновений, засыпал лицом к двери, резко обрывал разговор, когда речь заходила о прошлом. Белые рубцы на предплечье объяснял то стеклом, то проволокой — и ни разу не смотрел ей в глаза. Подруги говорили, что рядом с ним живут как на пороховой бочке. Мать не спорила, но всякий раз после его ухода спрашивала, пряча взгляд: «Он с тобой хорошо обращается?»

Лера отвечала: «Да» — и иногда злилась, что ей не верят.

Он мог оборвать её на полуслове, и иной раз они по два дня объяснялись после ссоры. Но она помнила другую сторону Артёма, о которой почти никто не знал. Как он ночью ездил через полгорода, потому что у неё поднялась температура и не оказалось лекарств. Как ставил чайник, не спрашивая, если замечал, что она вернулась с работы молчаливой. Как прищемил палец балконной дверью, выругался, починил её и ещё неделю жаловался на строителей. Он не любил длинных признаний и почти никогда не произносил правильных слов вовремя. Лера научилась слышать его в поступках.

В начале сентября он уехал.

На вокзале люди бежали по мокрому перрону к своим вагонам. Женщина тащила чемодан за короткую ручку, колёса били по плитке; проводник окликал пассажира, забывшего билет в сумке. Артём по третьему разу проверил молнию на своём рюкзаке. Лера сняла с его воротника нитку. Он стоял неподвижно, но под её ладонью, прижатой к груди, сердце билось чаще обычного.

— Ты чего так смотришь? — спросил он.

— Запоминаю.

— У меня что, уши выросли?

— Хуже. Ты в этом свитере похож на преподавателя труда.

Артём посмотрел на рукав и улыбнулся. Потом перевёл взгляд на часы над платформой, хотя до отправления оставалось ещё несколько минут.

— Лер, со мной ведь нелегко. Ты это понимаешь?

— Слушай, если ты решил расстаться со мной за три минуты до отправления поезда, выбрал плохое время.

— Дура.

— Сам такой.

Он прижал её к себе крепче. В памяти остались мелочи: ремень рюкзака давил ей в ключицу; над ухом заскрипело объявление, и она снова одёрнула его воротник — он тут же загнулся обратно.

Когда поезд тронулся, Лера не побежала следом. Стояла возле жёлтой линии и смотрела, пока последние окна не исчезли за поворотом. Дома она обнаружила на столе его зарядку и долго не могла решить, сердиться или смеяться.

Известие о гибели пришло в октябре. Мужчина, представившийся должностным лицом, говорил вежливо и ровно. Лера потом не могла вспомнить фамилию, зато помнила паузу перед словом «соболезнуем». Она переспросила дважды. В первый раз потому, что не расслышала, во второй — чтобы выиграть несколько секунд, за которые сказанное могло бы стать ошибкой.

На поминках кто-то попросил передать соль. Соседка, только что произнёсшая слова о невосполнимой утрате, потянулась за большим куском рыбы; мужчина у двери вполголоса похвалил Леру за то, что она «держится». Она слышала всё слишком отчётливо. Мать мыла тарелки, хотя Лера просила оставить их. Один из друзей Артёма постоял на пороге, поставил пакет с продуктами и ушёл. Ему она была благодарна больше остальных.

Когда из квартиры исчезли чужие голоса, Лера различала даже короткий щелчок реле в холодильнике и стук воды в батарее перед рассветом. До темноты она включала торшер в прихожей. Ей казалось, стоит погасить свет — и пустая обувная полка станет видна ещё отчётливее.

Днём она могла заставить себя открыть банковское приложение, ответить на сообщение, отыскать документ. К вечеру силы кончались. Особенно трудно было ложиться спать. На второй половине кровати лежала подушка Артёма, и Лера всякий раз поправляла её, словно готовила место. Потом стояла рядом и понимала, что делает.

В тот вечер она не дошла до спальни. Села в кресло у окна, надела его старый свитер и укрыла ноги пледом. Свитер уже почти не пах им. Только когда Лера уткнулась лицом в ворот, остался слабый запах древесной стружки и табака, тот самый, который раньше раздражал её после его возвращений из гаража.

Она намеревалась посидеть десять минут. Очнулась оттого, что на улице давно стих трамвайный звон, а в комнате кто-то стоял.

Лера не сразу поняла, спит она или нет. Стрелки настенных часов двигались. В прихожей горел торшер, и через открытую дверь его свет ложился узкой полосой на пол. В кресле было неудобно: затекла шея, ступни упирались в край стола. Даже недопитая чашка стояла на прежнем месте.

У окна темнел силуэт.

— Тём?

Человек повернулся. Лица не удавалось рассмотреть: свет оставался за его спиной. Но он чуть поднял плечо, как делал всегда, когда не знал, с чего начать разговор.

Лера встала так резко, что плед упал на пол.

— Это ты?

Он не двинулся навстречу.

— Ты не бойся ночи, ведь я рядом, — сказал голос Артёма.

От этих слов ей стало не по себе. Артём не говорил так никогда: ни с ней, ни с кем другим. Но затем кашлянул в кулак и неловко отвёл плечо — и странная фраза осталась единственным чужим в нём.

— Где ты? — спросила она. — Где ты был?

Она знала, что ей скажут днём. Знала, почему не дали увидеть его после пожара. Но во сне всё ещё ждала, что он назовёт другой адрес.

Он подошёл ближе. Лера увидела рукав тёмной куртки, руку с маленьким следом ожога возле большого пальца. На коже не было ни грязи, ни крови. Она подумала, что должна заметить что-то ещё, проверить, удостовериться. Вместо этого села обратно в кресло: ноги перестали держать.

Артём опустился на подлокотник. Когда-то он постоянно так делал, хотя Лера боялась, что однажды мебель не выдержит.

— Ты совсем себя извела, — сказал он.

— Серьёзно? А я и не заметила.

Он чуть наклонил голову. Он молчал так же, как прежде, когда ждал, пока она сама найдёт слова. Лера отвернулась, но он уже увидел слёзы.

— Я тебя хоронила, — выговорила она. — Понимаешь? Я стояла там и… Мне даже посмотреть на тебя не дали.

Она заговорила о том звонке, о закрытом гробе, о матери, которая складывала полотенца на полках, чтобы не смотреть ей в лицо. Когда Лера осеклась, Артём не стал искать слова. Сидел, сцепив руки между коленями. Оттого ей захотелось говорить дальше — зло, несправедливо, как говорила иногда при жизни, когда знала, что он не уйдёт.

— Я не умею это исправить, Лер, — произнёс он наконец.

Ей хотелось, чтобы он сказал другое. Пообещал вернуться. Объяснил, что случилась страшная ошибка. Но его голос оставался тем самым голосом, которому она верила даже тогда, когда он не утешал.

— Тогда побудь ещё, — попросила она.

— Побуду.

Он положил ладонь поверх её руки. Лера ощутила тяжесть и тепло пальцев; большой палец сдвинулся, задевая обручальное кольцо. Она испугалась пошевелиться, чтобы не разрушить это прикосновение.

— Я сейчас проснусь? — спросила она.

— Наверное.

— И всё исчезнет?

Артём не ответил сразу.

— Не знаю.

Лера придвинулась к нему плечом. Он пах тем же свитером, хотя свитер был на ней. Тепло исчезло, когда она попыталась пошевелиться.

Она закрыла глаза. Последним, что она запомнила, был его палец, осторожно поправивший сползший край пледа.

Утром Лера проснулась в кресле. Шея болела, плед лежал на полу. Во дворе дворник сгонял с тротуара мокрые листья; этот скрежет был слышен даже сквозь закрытое окно. Она провела ладонью по подлокотнику — обивка сухая, шершавый ворс примялся под пальцами. На мгновение ей стало легче, и она рассердилась на себя за это облегчение.

Вечером она легла раньше обычного.

Он снова пришёл. На этот раз не говорил красивых слов. Только спросил, почему она оставила на кухне немытую сковородку, и Лера засмеялась. На третью ночь они сидели рядом и почти молчали. На четвёртую она пыталась расспросить его о том дне, когда он погиб, но проснулась прежде, чем он успел ответить.

Днём она почти не выходила из квартиры. Она стала ждать ночи ещё за завтраком; грязное бельё копилось, телефон она брала только после нескольких пропущенных звонков. Она перестала считать дни недели. Зато знала, сколько ночей прошло с первой встречи.

В двадцатую ночь он долго сидел рядом, глядя не на неё, а на окно. Лера не спросила, что его тревожит: боялась услышать ответ.

ГЛАВА ВТОРАЯ
То, что остаётся после нас

На двадцать первую ночь Артём не пришёл.

Во сне Лера искала свой вагон. Двери купе были приоткрыты; люди сидели спиной к проходу, и у каждого под ногами стояла дорожная сумка. В тамбуре пахло мокрым войлоком. Она обеими руками потянула тяжёлую железную скобу двери: та не поддавалась, потом вдруг рванулась на себя. За стеклом не было ни рельсов, ни земли — только густая известковая белизна, от которой слепило глаза; стук колёс продолжался где-то позади.

Лера проснулась в 04:37. Рука так и лежала на второй половине кровати, ладонью вверх.

Постель была холодной даже под её пальцами. За окном едва светлели верхние этажи соседнего дома.

Лера осторожно пошевелила пальцами.

Ничего.

Она медленно села, подтянула колени к груди и долго смотрела в полумраке на смятую подушку Артёма.

Она дотянулась до лампы, повернула её к себе и снова выпрямила руку на пустой половине кровати.

Раньше она просыпалась и вспоминала смерть Артёма. Теперь первая мысль была ещё постыднее: а вдруг он больше не придёт?

— Тём, — тихо позвала она.

— Артём, ну пожалуйста.

Она сама услышала, насколько жалко прозвучали эти слова.

Часы на телефоне сменили 04:37 на 04:38. За стеной кашлянул сосед, открыл кран.

Лера прислушивалась к его воде так, словно это было самое важное событие наступающего утра.

✧

Утром она впервые за эти недели открыла шкаф.

Ей нужно было найти чистую одежду, но взгляд остановился на тёмно-зелёной куртке, висевшей отдельно от остальных вещей. Артём оставил её дома, когда уезжал. Сказал, что в ней слишком жарко, хотя утром в день отъезда было всего девять градусов.

Она вспомнила, как он стоял перед зеркалом, пытался одной рукой застегнуть молнию на сумке и одновременно спорил с ней из-за запасного свитера.

— Там дожди будут.

— Лер, я не маленький.

— Маленький. Ещё и упрямый.

— Тогда тебе крупно не повезло с мужиком.

Он засмеялся, а она швырнула в него свитером.

Теперь этот самый свитер лежал на верхней полке.

Лера достала куртку и прижала её к лицу. Запах почти выветрился. Остался лёгкий след табака, машинное масло и выветрившийся одеколон.

Она просунула руки в рукава. Куртка оказалась слишком большой. Манжеты закрыли пальцы.

В правом кармане что-то хрустнуло.

Лера вытащила сложенный вчетверо листок бумаги.

Чек был августовский: хлеб, молоко, кофе, батарейки. Термобумага посерела на сгибах; на обороте Артём записал торопливым почерком:

«Балкон — замок, 40 мм. Цветы белые у метро. Лерке».

Она перечитала запись трижды.

Цветы.

У метро продавали мелкие белые хризантемы. Лера показала их Артёму, когда они опаздывали на автобус; он отмахнулся: «Потом».

Лера села прямо на пол перед шкафом.

Лера положила чек на колени, разгладила посеревший сгиб и только по тёмному пятну, расползающемуся на рукаве куртки, поняла, что плачет. Одного слова «Лерке» на обороте выцветшей бумажки хватило, чтобы всё остальное перестало существовать.

✧

В тот день позвонила мать.

Лера посмотрела на экран и сбросила вызов. Через минуту телефон зазвонил снова.

Она ответила.

— Да, мам.

— Лерочка, ты как?

Вопрос был привычным и совершенно бессмысленным.

— Нормально.

— Ты ела сегодня?

— Ела.

— Я могу приехать. Суп привезу, посидим.

— Не надо.

На том конце провода помолчали.

— Лера, ты не можешь вечно сидеть одна.

— Я не одна.

Слова вырвались раньше, чем она успела подумать.

Мать тяжело вздохнула.

— Лер, я же не враг тебе.

— Что?

— Ты понимаешь, что я хочу сказать.

Лера подошла к окну. На противоположной стороне улицы рабочие снимали с деревьев выцветшие ленты, зацепившиеся за ограду.

— Нет, мам. Не понимаю.

— Его больше нет.

Лера закрыла глаза.

Мать произнесла это так тихо, что Лере пришлось напрячь слух.

— Я знаю.

— Я просто боюсь, что ты там одна целыми днями.

— А я что, умерла?

— Я не это имела в виду.

— Тогда зачем ты мне это говоришь?

Мать снова замолчала.

Она ещё до конца разговора хотела извиниться. Но представляла, как мать сейчас ждёт ответа, положив свободную ладонь на стол, и сердиться становилось только легче.

— Прости, мам. Я потом перезвоню.

Она отключилась, положила телефон экраном вниз и пошла на кухню.

Там всё оставалось почти так же, как в начале осени. Только чашка Артёма теперь стояла в шкафу, а не на столе.

Лера достала её.

Чёрная керамика, немного сколотая возле ручки. На дне сохранилось коричневое пятно, которое никак не отмывалось.

Она налила в чашку горячую воду, положила чайный пакетик и поставила напротив себя.

Как будто он просто вышел покурить.

Как будто сейчас вернётся, заглянет в кухню, увидит её лицо и спросит:

«Ну ты чего опять кислая?»

Она просидела так почти час.

Чай остыл.

Никто не вернулся.

✧

Следующей ночью Лера боялась заснуть.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь к каждому звуку. Время от времени закрывала глаза, стараясь представить его ладонь, его голос, даже то, как он обычно дышал во сне: глубоко, с едва заметным свистом на выдохе.

Ничего не происходило.

После двух часов ночи она начала злиться.

— Ты же обещал, — произнесла она в темноту.

Слова прозвучали громче, чем ей хотелось.

— Ты сказал, что будешь рядом.

Она повернулась на бок.

— Я ведь поверила тебе.

Тишина.

— Идиот.

Последнее слово она произнесла почти ласково.

И вдруг вспомнила одну из их ссор.

Это случилось прошлой зимой. Они тогда поссорились из-за какой-то ерунды, уже совершенно забытой. Артём ушёл из квартиры, хлопнув дверью. Вернулся через сорок минут с двумя стаканами кофе и замёрзшими ушами.

Она демонстративно не разговаривала с ним.

Тогда он сел прямо на пол возле дивана и сказал:

— Лер, ты можешь сколько угодно на меня злиться. Но давай договоримся об одной вещи.

Она молчала.

— Если я ухожу, это не значит, что я тебя бросаю.

— А что это значит?

— Что мне иногда нужно побыть одному, чтобы не наговорить тебе лишнего.

Лера тогда ответила, что можно хотя бы предупреждать.

Он кивнул.

— Ладно. В следующий раз буду оставлять записку: «Ваш мужик временно неисправен. Скоро вернётся».

Она рассмеялась против воли.

Он поднялся с пола не сразу. Лера потянула его за ворот свитера, собираясь сказать ещё что-нибудь обидное, и вместо этого поцеловала. От него пахло морозом и горьким кофе. Артём коснулся её талии, замер на секунду, дожидаясь, когда она сама приблизится, и только тогда обнял крепче.

В спальне сквозь шторы падал свет из соседского окна. Они давно перестали спорить, но заснуть не могли. Лера лежала, прижавшись к его боку, чувствовала под ладонью тёплую кожу и слушала, как постепенно выравнивается его дыхание. Артём шепнул ей в волосы: «Ну что, гарантийный ремонт принят?» Она тихо фыркнула и потянула на них обоих одеяло.

Теперь, лежа в постели, Лера припомнила, как он сидел на полу с остывшим кофе и смотрел снизу вверх.

И впервые за многие дни улыбнулась.

— Неисправен, значит, — прошептала она.

Сон пришёл незаметно.

✧

Артём стоял возле окна.

На нём была та самая тёмно-зелёная куртка, которую она утром достала из шкафа. Он смотрел на улицу, засунув руки в карманы.

Лера сразу поняла, что спит.

— Где ты был?

Он повернул голову.

Лица по-прежнему не удавалось разглядеть. Она видела только линию скулы, тень от волос и знакомую манеру чуть наклонять голову, когда он слушал.

— Тут.

— Нет. Вчера тебя не было.

Артём не ответил.

Она поднялась с кровати и подошла к нему.

— Я испугалась.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на её руку, протянутую к нему, но на этот раз не взял её.

— Лер, ты сегодня ела?

Она растерянно моргнула.

— Что?

— Нормально ела?

— Ты серьёзно?

— Вполне.

Лера сжала кулаки. Она ждала объяснения, а он спрашивал про еду.

Но вспомнила нетронутую тарелку на кухне.

— Нет, — призналась она.

— А выходила?

— Нет.

— С матерью разговаривала?

— Поругалась.

Артём тихо усмехнулся.

— Ну, всё как обычно.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь.

Он повернулся к окну.

На стекле не было дождевых капель. За ним лежала неподвижная тёмная улица, и ни одна машина не проезжала мимо.

— Ты меня ждёшь, — сказал он.

— Конечно, жду.

— Не только по ночам.

Она молчала.

— Ты весь день ждёшь, когда сможешь снова лечь спать.

Лера опустила глаза.

Он был прав.

Она просыпалась и первым делом смотрела на часы: сколько ещё до вечера. Днём почти не отвечала на сообщения.

— А что мне делать? — спросила она. — Просто забыть тебя?

— Я такого не говорил.

— Все только этого и хотят. Чтобы я перестала плакать, вышла на работу, улыбалась людям. Чтобы меня снова стало удобно видеть.

— А чего хочешь ты?

— Чтобы ты вернулся.

Он долго не отвечал.

Лера подняла голову.

— Вернись, Тём.

Слова дались с трудом.

— Пожалуйста. Хоть на минуту. По-настоящему.

Артём наконец подошёл ближе.

Она протянула к нему руку. Между пальцами оставалось всего несколько сантиметров, но прикоснуться не удавалось.

— Я бы вернулся, если бы мог, — произнёс он.

Лера заплакала.

Он смотрел на неё. Она не видела его глаз, но знала, что он не отворачивается.

— Тогда зачем ты приходишь?

Вопрос повис между ними.

Артём медленно опустился на край кровати.

— Не знаю, Лер.

Она замерла.

За всё время их странных ночных встреч он ни разу не произносил этих слов.

При жизни Артём тоже не всегда отвечал сразу. Но тогда его молчание заканчивалось тем, что он доставал чайник или шёл исправлять то, что сломал.

— В смысле не знаешь?

— Я не знаю, почему ты меня видишь.

Лера села рядом.

— Но ведь это ты?

Он повернулся к ней.

— А ты как думаешь?

Она хотела ответить немедленно, но почему-то не смогла.

Она посмотрела на его лицо, расплывавшееся по краям, и не решилась продолжать разговор.

Возможно, она разговаривала не с Артёмом.

Возможно, её собственная память научилась говорить его голосом.

✧

Утром Лера проснулась от солнца.

Солнечная полоса пролегла через пол и дошла до ножки кровати. На полу виднелась пыль, которую давно следовало убрать.

Лера долго смотрела на неё.

Потом поднялась, открыла окно и впустила холодный воздух.

Где-то во дворе громко ругался дворник. Кто-то заводил автомобиль. Внизу женщина в красной шапке тянула за поводок маленькую собаку, которая упорно отказывалась идти дальше.

Всё было совершенно обыкновенным.

Лера вспомнила вопрос Артёма.

«А чего хочешь ты?»

Она попыталась ответить.

Хотелось снова провести ладонью по его коротко остриженному затылку и услышать, как он смеётся. Хотелось, чтобы он снова занял слишком много места в кровати и оставил грязную кружку возле компьютера.

Но ещё ей хотелось горячего кофе.

Настоящего, не растворимого.

Хотелось перестать чувствовать постоянный холод в ногах.

Хотелось услышать живой человеческий голос, который не спрашивал бы, как она держится.

Она дошла до кухни и вдруг заметила, что голодна. Стало неловко; будто она совершила что-то недозволенное.

Лера закрыла окно.

На кухне она выбросила вчерашний чай, вымыла обе чашки и сварила себе овсянку. Съела половину, больше не смогла.

Затем взяла телефон и написала матери:

«Прости за вчера. Можешь приехать вечером. Только давай без разговоров о том, что мне пора жить дальше».

«Хорошо. Привезу твою любимую шарлотку».

Лера набрала «спасибо», стёрла, набрала снова и отправила.

Потом оделась и вышла из квартиры.

✧

На лестничной площадке пахло краской. Кто-то недавно замазывал надписи возле лифта. Соседская дверь была приоткрыта, из квартиры доносился телевизор.

Лера нажала кнопку вызова.

Пока лифт поднимался, Лера снова обернулась к своей двери. Она знала, сколько раз нужно повернуть ключ, чтобы оказаться рядом с его свитером, курткой и тем вечерним голосом.

Лифт приехал.

Она вошла.

На первом этаже ей встретился пожилой сосед с третьего, Николай Петрович. Раньше они здоровались почти каждый день, но после известия о смерти Артёма мужчина старательно избегал её взгляда.

Теперь он остановился.

— Валерия, здравствуй.

— Здравствуйте.

Сосед переступил с ноги на ногу.

— Я тут всё хотел тебе сказать…

Лера внутренне сжалась.

Опять соболезнования.

Но Николай Петрович неожиданно произнёс:

— Артём мне летом с дверью помогал. Замок заедал, я уж мастера собирался вызывать.

Она молча смотрела на него.

— Так он два часа возился. И денег не взял. Я ему говорю: «Ну хоть на бутылку возьми». А он отвечает: «Лучше вон жене своей цветы купите».

Старик улыбнулся, словно только сейчас вспомнил эту подробность.

— Хороший был парень.

Лера почувствовала, как защипало глаза.

— Спасибо.

— Да не за что. Ты это… Если чего надо по хозяйству, говори. Я хоть и старый, а руки ещё работают.

Она кивнула.

И вышла на улицу.

Холод обжёг щёки. Лера выругалась на себя за забытый шарф и обнаружила, что способна смеяться.

Она вспомнила, как Артём кривился при слове «вознаграждение».

Николай Петрович говорил об Артёме в прошедшем времени, но не произнёс слова «покойный».

✧

Цветочный магазин находился в двух кварталах от дома.

Лера не собиралась туда заходить. Просто увидела за витриной белые хризантемы и остановилась.

Те самые.

Мелкие, растрёпанные, похожие на ромашки.

Она толкнула дверь.

Колокольчик над входом звякнул, и из-за прилавка подняла голову молодая девушка.

— Добрый день. Вам помочь?

— Мне вот эти.

— Сколько веточек?

Лера задумалась.

— Семь.

Продавщица принялась доставать цветы.

— Для кого букет?

Вопрос оказался неожиданным.

Лера посмотрела на белые лепестки.

— Для меня.

— Тогда красиво упакуем?

— Нет. Просто перевяжите.

Она расплатилась, вышла на улицу и остановилась возле пешеходного перехода.

В руках у неё были цветы, которые Артём собирался купить два месяца назад.

Лера вытащила телефон и открыла переписку с Артёмом.

«Представляешь, я всё-таки купила те дурацкие хризантемы».

Палец застыл над кнопкой отправки.

Последнее сообщение от Артёма было датировано сентябрём.

«Доехал. Всё нормально. Люблю тебя, вредина».

Она знала эти слова наизусть.

Она перечитала набранное.

Сообщение появилось в переписке.

Ответа, конечно, не было. Зато «Представляешь» теперь навсегда стояло под его сентябрьским сообщением.

Телефон убрала в карман.

И пошла домой.

✧

Вечером приехала мать.

Они пили чай на кухне, ели шарлотку и почти не говорили об Артёме. Мать рассказала про какую-то нелепую ссору на работе, про соседскую кошку, которая снова забралась на балкон, про сломанный чайник.

Лера слушала.

Иногда даже задавала вопросы.

Когда мать собралась уходить, она вдруг крепко обняла её.

— Мам.

— Да, доченька?

— А ты папу когда-нибудь видела во сне после того, как он умер?

Мать не сразу ответила.

— Видела.

— И что он говорил?

— В первый раз ничего. Просто сидел на кухне и чистил картошку.

Лера удивлённо улыбнулась.

— Картошку?

— Представляешь? Я ему говорю: «Ты же умер». А он отвечает: «Ну и что теперь, ужин не готовить?»

Они обе тихо рассмеялись.

Потом мать стала серьёзной.

— А во второй раз он сказал, чтобы я перестала хранить его старые ботинки.

— И ты выбросила?

— Нет. Ещё три года хранила.

Лера посмотрела на неё.

— А потом?

— Потом однажды обулась в них сама. Не потому, что хотела, просто в коридоре темно было. И стало так глупо — взрослый человек, в чужих ботинках.

Мать погладила её по волосам.

Лера ничего не ответила.

✧

В ту ночь Артём снова пришёл.

Он сидел на кухне.

Перед ним стояла его чёрная чашка. На столе лежала газета, которую он почему-то читал, хотя при жизни никогда не покупал газет.

Лера остановилась в дверях.

— Ты опять здесь?

— А где мне быть?

— Не знаю. В раю, например.

Он хмыкнул.

— Сомневаюсь, что там принимают таких, как я, без предварительного собеседования.

Она засмеялась.

Он положил две ложки в одну кружку — как всегда, когда ленился вымыть вторую. Лера открыла рот, чтобы сделать замечание, и вдруг не смогла выговорить ни слова.

Лера подошла к столу и села напротив.

— Я сегодня выходила.

— Знаю.

— Купила цветы.

— Видел.

— И маму позвала.

— Молодец.

Она поморщилась.

— Не говори со мной как с ребёнком.

— Тогда не заставляй меня спрашивать, поела ли ты.

Она закатила глаза.

Чашка стояла между ними. За ручкой виднелось тёмное пятно, которое Лера обещала отмыть ещё в сентябре.

За стеной шёл дождь. Она почти ждала, что вот-вот завибрирует его телефон, оставленный на кухне.

Лера протянула руку через стол.

Артём накрыл её своей ладонью.

Тепло было настоящим.

— Тём…

— М?

— Ты умер?

Он перестал улыбаться.

Она произнесла эти слова и отвела взгляд от чашки.

Артём долго смотрел на неё, потом медленно кивнул.

— Да, Лер.

Она почувствовала, как холодеют пальцы.

— Тебе там больно?

— Нет.

— Страшно?

— Уже нет.

Она сглотнула.

— А мне страшно.

Он сжал её руку.

— Я знаю.

Лера отвела взгляд.

— Я боюсь забыть твой голос. Боюсь, что через год не вспомню, как ты смеялся. Что однажды проснусь и не смогу представить твоё лицо.

— Забудешь кое-что, — спокойно сказал он.

Она резко посмотрела на него.

— Что?

— Какие-то мелочи. Как я складывал рубашки. Что говорил, когда злился на компьютер. Может быть, даже какие-то наши разговоры.

— Не хочу.

— Я тоже не хочу.

Он провёл большим пальцем по её ладони.

— Но это не значит, что меня не было.

Лера заплакала.

— А вдруг я тебя выдумываю?

Артём чуть наклонил голову.

— А если так?

Она замолчала.

— Если это твоя память разговаривает с тобой моим голосом, разве всё, что мы прожили, становится неправдой?

— Нет.

— Тогда какая разница?

Она пыталась подобрать ответ, но не могла.

Он улыбнулся.

— Ты всегда хотела во всём разобраться. Даже когда не нужно.

— Это ты у нас любил делать вид, что всё просто.

— Ну, кто-то же должен был.

Лера вытерла слёзы.

Вопрос об отъезде мучил её с сентября. Она никак не решалась задать его даже во сне.

— Тём, а почему ты тогда уехал?

Он неподвижно сидел напротив.

— Ты ведь мог отказаться?

Артём медленно убрал руку со стола.

— Лера…

— Нет, подожди. Ты говорил, что выбора нет. Но выбор ведь всегда есть.

В комнате стало холоднее.

За окном снова начался дождь. Его капли били по стеклу, хотя ещё мгновение назад улица была сухой.

— Ты что-то от меня скрывал, — прошептала она.

Артём посмотрел в сторону прихожей.

— Я многое от тебя скрывал.

Лера замерла.

Он впервые признал это вслух.

— Что именно?

Артём поднялся.

— Мне пора.

— Нет.

Она тоже вскочила.

— Нет, только не сейчас. Ты не можешь просто уйти!

Он остановился у двери.

Лера схватила его за рукав.

На этот раз ткань была настоящей. Грубой, холодной, чуть влажной.

— Скажи мне правду.

Он повернулся.

Теперь она увидела его лицо: весь вечер оно ускользало из взгляда, а тут осталось на месте.

Те самые тёмные глаза. Небольшой шрам над бровью. Усталые складки возле рта, появившиеся за последние годы.

Он выглядел старше, чем в день отъезда.

— Послушай меня внимательно, Лер.

Она кивнула.

— Что бы ты ни узнала, помни одну вещь.

— Какую?

— Я никогда не жалел, что встретил тебя.

Его пальцы коснулись её щеки.

— Никогда.

— Артём…

Но он уже отступал.

Комната темнела, знакомые очертания кухни расплывались.

Лера попыталась удержать его, но пальцы сомкнулись на пустоте.

— Подожди!

Он остановился на пороге.

— И ещё, Лер.

Его голос прозвучал глухо, будто из очень далёкого помещения.

— Не верь всему, что тебе рассказали о моей смерти.

✧

Лера проснулась от собственного крика.

Рывком села в постели: пижама прилипла к лопаткам, простыня сбилась к холодным щиколоткам.

Часы показывали 03:14.

В квартире было тихо.

Она схватила телефон и открыла переписку с Артёмом.

Под её вчерашним сообщением о хризантемах появилась отметка о прочтении.

Лера смотрела на экран.

Она открыла и закрыла переписку, проверила дату, затем ещё раз посмотрела на отметку о прочтении.

Она несколько раз моргнула.

Отметка осталась.

Сообщение было прочитано в 03:12.

Две минуты назад.

Лера медленно перевела взгляд на пустую половину кровати.

Затем снова на экран.

И именно тогда телефон завибрировал у неё в руках.

На дисплее высветилось имя, которое она за последние три недели так и не смогла заставить себя удалить из избранных контактов.

Артём.

Звонок продолжался.

Один гудок.

Второй.

Третий.

Лера поднесла дрожащий палец к зелёной кнопке.

И ответила.

На другом конце было слышно чьё-то дыхание.

Затем раздался мужской голос.

Но это был не голос Артёма.

— Валерия Сергеевна?

Она не смогла ответить.

— Если вы меня слышите, пожалуйста, не кладите трубку.

За спиной говорившего кто-то негромко произнёс несколько слов, которых Лера не разобрала.

Мужчина замолчал, словно прикрыл микрофон рукой.

Затем вернулся к разговору.

— Меня зовут Михаил. Я знал вашего мужа.

Лера крепче сжала телефон.

— Откуда у вас его номер?

Мужчина пропустил вопрос.

— Мне необходимо с вами встретиться.

— Сейчас три часа ночи.

— Знаю.

Она повторила вопрос. Артём делал бы то же самое.

— Кто вы такой?

Несколько секунд собеседник молчал.

Потом сказал:

— Ваш муж просил связаться с вами, если с ним что-нибудь случится.

У Леры пересохло во рту.

— Когда просил?

— В августе.

Она посмотрела в сторону шкафа, где висела его куртка.

— Почему вы звоните только сейчас?

На другом конце послышался короткий, усталый вздох.

— Потому что до сегодняшнего дня я не был уверен, что вы в безопасности.

Лера перестала дышать.

— Что это значит?

Михаил заговорил тише.

— Валерия Сергеевна, я понимаю, что вы получили официальное извещение. И понимаю, что сейчас вам трудно будет поверить незнакомому человеку.

— Говорите уже.

Он помолчал.

— Дело в том, что я был там, когда погиб Артём.

Лера судорожно втянула воздух.

— И?

— И обстоятельства его смерти совсем не такие, как вам сообщили.

В прихожей щёлкнуло. Лера подняла голову, ещё не разобравшись — это замок или металл в батарее.

Лера вздрогнула.

Она совершенно точно помнила, что запирала дверь на оба оборота.

Собеседник продолжал говорить. Лера разобрала только несколько слов.

Шаги были как во сне: слишком тихими, чтобы принадлежать кому-то в тяжёлых ботинках. И всё же Лера слышала, как у двери кто-то возится с обувью.

А затем знакомый хрипловатый голос произнёс:

— Лер, только не пугайся.

ГЛАВА третья
По ту сторону порога

Лера не сразу поняла, что перестала слышать человека в телефоне.

Весь мир сузился до полосы света, лежавшей на полу между спальней и прихожей. Торшер по-прежнему горел. Его жёлтый свет касался плинтуса, края обувной полки, угла старого коврика. Всё выглядело точно так же, как несколько часов назад, когда она закрывала входную дверь.

И всё-таки кто-то только что произнёс её имя.

Так, как произносил только Артём. С коротким выдохом перед первым словом, словно хотел заранее извиниться за вторжение.

— Лер? — раздалось из телефона. — Вы меня слышите?

Она не ответила. Откинула одеяло, опустила босые ноги на холодный пол и сделала шаг к двери.

— Лера, отойдите от прихожей, — сказал Михаил.

Лера осталась у дверного косяка, не решаясь ни войти в прихожую, ни отойти. Телефон скользил в мокрой ладони.

Она успела задремать с телефоном в руке, прежде чем тот завибрировал, или только сейчас придумала себе это объяснение? На пальце остался след от края чехла.

О щелчке замка она Михаилу не сказала. Слишком боялась услышать в ответ знакомое: «Вам показалось».

— Откуда вы знаете, где я стою?

— Не знаю. Просто, пожалуйста, не открывайте никому.

Лера едва не рассмеялась. Поздно предупреждать — она же слышала, как кто-то вошёл и разувается. Вместо ответа включила верхний свет.

Прихожая была пуста.

На полке лежали её перчатки, у зеркала висел шарф. Дверь оставалась запертой на оба оборота, цепочка — накинута. Под вешалкой стояли Артёмовы старые тапочки: один носком к стене, другой в комнату. Она не помнила, как оставила их вечером.

Ни чужих ботинок. Ни мокрых следов.

Лера дотронулась до замка. Холодный металл болезненно отозвался в кончиках пальцев.

— Здесь никого нет, — выговорила она.

— Хорошо. Вы дома одна?

— Я уже не знаю.

Михаил замолчал. Она слышала негромкое потрескивание связи и чужое дыхание, слишком настоящее для того, что происходило вокруг.

— Откуда у вас его телефон? — спросила Лера.

— Он оставил его мне.

— Артём никогда никому не оставлял свой телефон.

— Тогда считайте, что я его забрал. Сейчас это не главное.

— Для меня главное.

На другом конце что-то скрипнуло, будто мужчина придвинул стул.

— Я включил аппарат сегодня ночью. Увидел ваше сообщение. Простите, что прочитал его.

Лера вспомнила хризантемы, купленные вчера днём, и странное чувство, с которым отправила несколько слов человеку, неспособному ей ответить.

— Вы не имели права.

— Не имел.

Прямое признание сбило её с толку сильнее, чем оправдание.

— Если вы знали его, — продолжила она, — скажите, что случилось. Сейчас. По телефону.

— В октябре на объекте был пожар. Вам об этом сообщили?

— Сказали, что несчастный случай.

— Это был не несчастный случай в том смысле, в каком его записали. Я могу объяснить, но не по телефону. И не посреди ночи.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы вы поверили мне только из-за того, что я звоню с его номера. У меня есть то, что он просил передать вам лично.

Лера опустилась на край тумбы. Колени дрожали, но голос неожиданно стал ровным.

— Где?

— Помните кофейню возле старой городской библиотеки? У неё ещё часы над дверью.

— Помню.

— Сегодня в двенадцать. Там людно. Можете предупредить кого-то из близких, куда идёте. Я не стану просить вас о тайне.

— Почему именно там?

Михаил ответил не сразу.

— Артём однажды сказал, что это единственное место в городе, где вы соглашаетесь пить плохой кофе.

Лера сжала телефон.

Кофейня действительно была отвратительной. Горький напиток подавали в тяжёлых чашках, а пирожные почти всегда оказывались вчерашними. Они с Артёмом заходили туда после прогулок по набережной, потому что у самого дальнего столика было окно на старые городские часы. Лера любила наблюдать, как за ним меняется погода. Артём терпеть не мог эту кофейню, но всякий раз первым открывал перед ней дверь.

Эту подробность незнакомец мог узнать от него.

А мог и выдумать.

— Двенадцать, — повторила она. — И ещё одно. Если я узнаю, что вы решили воспользоваться его смертью, я обращусь в полицию.

— Это будет ваше право.

Звонок оборвался.

Лера некоторое время сидела с телефоном возле уха. Потом открыла журнал вызовов.

Входящий в 03:14. Продолжительность — пять минут сорок две секунды. Имя: «Артём».

Никаких следов сна.

Она проверила замки ещё раз, поставила под дверь табурет — нелепая, почти детская мера — и вернулась в спальню. Лампу на комоде выключать не стала.

До рассвета оставалось почти четыре часа.

Спать она больше не пыталась.

✧

Утром дождь прекратился, но город не стал светлее. Антенны на соседнем доме едва выступали из тумана.

Лера заварила крепкий чай, разбила яйцо на сковороду и внезапно обнаружила, что голодна. Она съела завтрак стоя, у кухонного окна, без привычного чувства вины. Только потом заметила, что на столе осталась вторая чашка, та самая, чёрная, с маленьким сколом у ручки.

Она не стала убирать её.

В девять утра Лера позвонила матери.

— Мам, мне сегодня надо встретиться с человеком.

— С каким?

— Он работал с Артёмом.

Тишина на другом конце провода продлилась несколько секунд.

— Лера, откуда он взялся?

— Позвонил ночью. С Тёминого номера.

Мать резко втянула воздух.

— Доченька, не ходи одна.

— Я встречусь с ним в общественном месте. Скину тебе адрес. И буду на связи.

— Я могу приехать.

Лера взглянула на часы.

— Пока не надо. Если он начнёт требовать деньги или вести себя странно, я сразу уйду. Обещаю.

Мать помолчала.

— Ты ведь всё равно пойдёшь?

— Да.

— Тогда возьми с собой зарядку. И позвони мне, когда выйдешь оттуда.

Лера улыбнулась и переложила зарядку в наружный карман сумки.

— Хорошо.

Перед выходом она надела серое пальто и долго искала шарф. На самом дне шкафа нашёлся другой — тёмно-синий, подаренный Артёмом в их первую зиму.

Он купил его на улице в лютый мороз, когда у неё порвалась молния на куртке и она упорно заявляла, что совсем не замёрзла.

«Ты у меня не железная, — буркнул он тогда, оборачивая шарф вокруг её шеи. — Хотя иногда очень стараешься».

Лера провела пальцами по мягкой ткани.

Потом закрыла шкаф.

В зеркале прихожей отразилась женщина с бледным лицом и слишком внимательными глазами. За несколько недель Лера отвыкла смотреть на себя. Она машинально провела пальцем по коже под глазами и отвернулась.

— Я вернусь, — сказала она пустой квартире.

Слова показались странными. Раньше она говорила их Артёму.

✧

У кофейни по-прежнему висели круглые часы с облупленной позолотой. Они спешили на семь минут. Лера помнила это ещё с прошлого года: Артём однажды сверил их с телефоном и целый вечер возмущался тем, что часы над заведением, где люди ждут друг друга, показывают неправильное время.

Она пришла в без десяти двенадцать.

Внутри пахло пережаренным кофе и мокрой шерстью. У порога официантка безуспешно стирала следы воды от чужих зонтов; Лера обошла лужицу, машинально вспомнив, как Артём всегда норовил пройти прямо по ней.

Михаила она узнала сразу, хотя никогда прежде его не видела.

Не по лицу. По тому, как он сидел.

Он выбрал столик спиной к стене и время от времени поглядывал на дверь. Такие привычки были у Артёма. Тот никогда не любил оказываться посреди зала, особенно в незнакомых помещениях. Говорил, что так удобнее наблюдать за людьми, но Лера знала: это было не любопытство.

Михаил поднялся, когда она подошла.

Ему было около сорока. Невысокий, с коротко остриженными волосами, припухшими веками и неглубоким шрамом возле подбородка. Куртка на нём была недорогая, аккуратно застёгнутая до самого горла. На столе лежала коричневая папка.

— Валерия Сергеевна?

— Лера.

Он кивнул.

— Михаил.

Рук они друг другу не протянули.

Лера села напротив, положила телефон возле чашки и не сняла пальто.

— Сразу скажу, — произнесла она. — Я не собираюсь ничего подписывать и никуда с вами ехать.

— И не надо.

Он немного отодвинул папку в её сторону, но не открыл.

— Вы похожи на его рассказы о вас.

— А вы совсем не похожи на человека, которому он доверил бы телефон.

Михаил опустил взгляд.

Официантка спросила про заказ. Лера попросила чёрный кофе; Михаил сказал «ничего» и тут же поправился: «Воду». Пока женщина отходила, он проверил выключенный экран телефона.

— Мы работали вместе последние полтора месяца, — сказал он. — До того я знал его недолго. Он приехал на объект в сентябре.

— Куда именно?

— На север, за Лесную станцию. Там был старый корпус, который собирались закрывать. Мы занимались оборудованием и документами, готовили передачу.

— Он говорил, что работа временная.

— Так и было. По крайней мере, для нас.

Лера заметила эту оговорку.

— А для него?

Михаил осторожно провёл пальцем по краю папки.

— Я не знаю, зачем он согласился туда ехать. Он отлично разбирался в том, что делал, но иногда спрашивал о вещах, которые не имели отношения к нашей работе. О старых сменах. О людях, приезжавших ночью. О закрытом крыле корпуса.

— И вы ничего не спросили?

— Спросил. Он сказал, что ищет человека.

Кофе принесли в белой чашке с трещиной у донышка. Лера подождала, пока официантка уйдёт.

— Какого человека?

— Не назвал.

— Вы просили меня прийти ради этой истории?

Михаил поднял глаза.

— Нет. Ради того, что произошло в ночь пожара.

Он открыл папку.

Внутри лежали два листа, распечатанная фотография и телефон в тёмном чехле. Лера увидела знакомую трещину у верхнего угла корпуса и опёрлась ладонью о край стола.

Артём однажды уронил этот телефон на плитку в ванной. Лера предлагала заменить стекло, но он сказал, что пока всё работает, ремонт — пустая трата денег.

Она протянула руку.

— Можно?

— Конечно.

Телефон был холодным, тяжёлым, совершенно обычным. На чехле осталась маленькая царапина в форме запятой. Лера сделала её сама, когда пыталась открыть крышку карманным ножом.

Она провела по царапине ногтем.

Вещь, которую он каждый день носил в кармане, на которую сердился, если она разряжалась, которую клал на ночной столик экраном вниз.

— Почему она у вас?

— Перед последней сменой он дал мне свой запасной комплект ключей и телефон. Сказал, что должен пройти в корпус, где связь не работает. А если к утру не вернётся, велел всё спрятать.

— Вы не вернули его семье.

— Нет.

— Три недели.

— Да.

Лера посмотрела на него так, что Михаил отвернулся.

— Знаете, что это такое? — спросила она. — Три недели ходить по квартире и думать, как много вещей он унёс с собой? Искать его номер в телефоне, хотя понимаешь, что он больше никогда не ответит? А вы всё это время держали его телефон у себя.

— Знаю, что не имею права просить прощения.

— Тогда не просите.

Михаил молча кивнул.

Наконец Лера осторожно положила аппарат на стол.

— Говорите.

Он вынул из папки лист с напечатанным текстом.

— В бумагах указали, что он был один. Нет. Мы вывели оттуда женщину. Я её лица не разглядел — дым шёл прямо из коридора, и она закрывалась рукавом.

Лера застыла.

— Какая женщина?

— Имени не знаю. С нами она не работала.

— Она работала с вами?

— Нет. Её вообще не должно было быть на той территории.

— Но она была.

— Да.

Михаил сглотнул.

— Мы услышали удары из закрытого помещения. Не крики — просто кто-то бил по железной двери. Я хотел позвать дежурного. Артём сказал, что времени нет. Мы вдвоём открыли дверь. Женщина вышла, но за ней уже горело. Он велел мне вести её к выходу.

— А сам?

— Вернулся.

Лера сдавила край салфетки, пока тот не разошёлся у неё между пальцами.

— Вы пытались вернуться за ним? — спросила Лера. Михаил сжал губы. — Я побежал назад. В переходе уже было нечем дышать, а потом посыпалось сверху.

Он всегда возвращался. После ссор, после тяжёлых рабочих дней, после бессонных ночей. Даже когда просил оставить его в покое, всё равно возвращался. Только в тот раз вернулся не к ней.

— Зачем? — почти беззвучно спросила она.

— Там оставалась сумка. И кое-что ещё, что он пытался достать. Я крикнул, чтобы бросил. Он даже не обернулся.

Михаил убрал лист обратно в папку.

— Потом обвалилось перекрытие. Я не смог к нему пробраться. Когда приехали пожарные, уже было поздно.

Лера смотрела в чашку.

В кофе расплывалась светлая плёнка. Кофейня гудела голосами, кто-то смеялся над телефоном, за стойкой стучали чашки. Лера перестала слышать Михаила и попросила повторить последние слова.

Ей хотелось, чтобы Михаил замолчал. И одновременно — чтобы он рассказал каждую секунду той ночи.

— Вы видели его? — спросила она, не поднимая головы. — После?

— Да.

— Вы уверены, что это был он?

— Уверен.

Михаил произнёс это без жалости и без попытки смягчить ответ. Именно поэтому Лера ему поверила.

Она закрыла глаза.

Несколько дней назад ей снилось, что Артём сидит на их кухне и пьёт чай. А теперь напротив неё сидел незнакомый мужчина и говорил о нём в прошедшем времени, как о человеке, который сделал последний шаг в дым и не сумел вернуться.

На какое-то мгновение ей захотелось ненавидеть женщину, которую он спас.

Не за то, что она выжила.

За то, что у неё теперь была возможность открыть дверь своей квартиры, услышать чей-то голос, выйти утром на улицу. Возможность, которой Артём больше не имел.

Лера испугалась собственной мысли.

— Она жива? — спросила она.

— Да.

— Тогда почему о ней нигде не сказано?

— Не знаю. Она исчезла той же ночью. А в бумагах осталось, что Артём был один.

— И вы молчали.

Михаил сжал пальцы. Суставы побелели.

— Я дважды пытался дать показания. Первый раз меня попросили не путать следствие. Во второй сообщили, что я, вероятно, отравился дымом и неправильно всё запомнил. После этого ко мне домой пришли люди, которых я раньше не видел.

— Что они хотели?

— Сказали, чтобы я не тревожил семью погибшего.

Лера медленно подняла на него взгляд.

— Значит, вы решили меня не тревожить.

— Да, — ответил он. — И с каждым днём мне становилось труднее оправдывать это решение.

За окном проехал трамвай. Его колёса заскрежетали на повороте, заглушая разговоры в кофейне.

— Почему же вы всё-таки пришли?

Михаил открыл последний карман папки и достал маленький конверт.

Он был из плотной бумаги, без марки и адреса. На лицевой стороне знакомым неровным почерком было написано одно слово:

«Лере».

Лера замерла.

— Это он писал?

— Дал за несколько дней до пожара. Сказал: если меня не будет — отдай Лере. Я решил, что он просто накручивает себя.

— И вы открывали?

— Нет.

Она провела пальцами по буквам. Артём писал быстро, пропускал соединения между буквами. Буква «р» у него получалась почти без петельки. Лера улыбалась над этим, когда он оставлял записки на холодильнике.

Сейчас она узнала его почерк без малейшего сомнения.

— Почему вы не отдали письмо сразу?

Михаил посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что боялся, что внутри что-то, из-за чего вам придётся искать ответы. А потом понял, что вы и без письма будете их искать.

Она хотела возразить, но не стала.

— Можно мне его забрать?

— Оно ваше.

Лера положила конверт в сумку, рядом с ключами и помятой пачкой бумажных салфеток.

— Что ещё?

Михаил вынул небольшой латунный ключ на потемневшем кольце.

Лера узнала его сразу.

Ключ от нижнего ящика Артёмова письменного стола.

Ящик всегда был заперт. Там хранились рабочие тетради и бумаги, которые он не любил разбрасывать по квартире. Лера ни разу не пыталась его открыть: у них было достаточно доверия, чтобы не проверять друг у друга карманы и закрытые ящики.

Она смотрела на ключ и чувствовала, как вместе с любопытством поднимается обида.

Оказывается, даже после смерти Артём оставил между ними запертую дверь.

— Он сказал, что там лежит объяснение, — тихо произнёс Михаил.

— Объяснение чего?

— Не знаю. Он не хотел, чтобы я это видел.

Лера взяла ключ.

Металл оказался нагретым от чужой ладони.

— А телефон?

— Тоже заберите. Я ничего в нём не менял. Только зарядил и прочитал ваше сообщение.

Она не стала благодарить.

Когда собиралась уходить, Михаил вдруг произнёс:

— Лера, можно ещё одну вещь?

Она остановилась.

— Что?

— Вы не обязаны верить мне. И не обязаны продолжать то, что начал Артём. Если решите закрыть этот вопрос, я пойму.

— А вы смогли бы?

Он посмотрел на свои руки.

— Не знаю.

Лера надела сумку на плечо.

— Тогда не просите этого у меня.

✧

На улице её встретил ветер.

Он гулял между домами, поднимал с асфальта мокрые листья и бросал их к ногам прохожих. Лера шла медленно, придерживая одной рукой сумку, в которой лежали письмо и телефон Артёма.

Ремень сумки врезался в плечо. Она поправила его и пошла дальше.

У витрины цветочного магазина она остановилась. Белые хризантемы по-прежнему стояли в высоких ведёрках. Несколько лепестков упали на пол, и продавщица собирала их маленьким веником.

Лера вспомнила мужчину за столом, его слова о дыме, о закрытой двери, о незнакомой женщине.

Самым мучительным оказалось не то, что Артём погиб, спасая другого человека. В этом она узнавала его слишком хорошо. Он всегда лез туда, куда другие предпочитали не смотреть, и не умел отворачиваться, если кому-то требовалась помощь.

Мучительным было другое.

Он ехал куда-то, чего она не понимала. Искал кого-то, о ком ей не рассказал. Предчувствовал опасность настолько, что заранее оставил письмо и ключ.

А на вокзале смотрел ей в глаза и шутил о своём сложном характере.

Лера достала телефон и позвонила матери.

— Мам, я вышла. Со мной всё нормально.

— Он что-то сказал?

Лера остановилась под навесом автобусной остановки.

— Да.

— Ты хочешь рассказать?

Она посмотрела, как по стеклу навеса медленно ползут капли.

— Пока нет. Мне надо самой понять.

Мать вздохнула, но не стала настаивать.

— Тогда приезжай вечером. Я буду дома.

— Может быть, — ответила Лера. — Я позвоню.

Она убрала телефон и пошла дальше.

Она дважды ускоряла шаг и сама себя одёргивала. Дома ждал запертый ящик, а в нём — неизвестная часть жизни человека, которого она считала самым близким на свете.

✧

Письменный стол Артёма стоял в маленькой комнате, которую они называли кабинетом, хотя большую часть пространства занимали сушилка для белья и старый книжный шкаф.

На столе по-прежнему лежал коврик для мыши, стояла банка с ручками и виднелось круглое пятно от кружки. Монитор был покрыт тонким слоем пыли. Лера смахнула её ладонью и села на стул.

Она не торопилась.

Сначала достала конверт, положила перед собой и долго смотрела на имя, написанное его рукой. Потом осторожно вскрыла край, стараясь не порвать бумагу.

Внутри оказался один лист.

«Лер.

Я уехал, не сказав тебе главного. И снова придумал за нас обоих, как лучше. Ты потом скажешь, что я идиот. Ты будешь права.

Про Марину всё в тетради. Я хотел поговорить с тобой после возвращения. Не вышло бы — всё равно должен был.

Если меня не станет, не держи квартиру такой, будто я вышел за хлебом. На балконе замок заедает — попроси Николая Петровича помочь, я так его и не доделал. И купи себе эти белые цветы. Я всё забывал.

Я боялся тебя потерять. Оттого молчал. Хорошо придумал, да?

Ключ к нижнему ящику у Михаила. Там не все ответы, Лер. Но хоть то, что я знаю.

Я тебя люблю. Не потому, что не умею сказать иначе. Просто это правда.

Твой Тёмка».

Лера подняла лист к свету. Там, где он писал «люблю», ручка продавила бумагу сильнее. Она провела по бороздке пальцем.

Так он подписал открытку к их первой годовщине, уверяя, что серьёзные признания ему не даются. Тогда она повесила открытку на холодильник, и он несколько месяцев делал вид, что страшно смущён.

Письмо пришлось сложить дважды: рука дрожала, и оно не попадало в конверт. Лера положила его в ящик стола — не на видное место, но и не под замок.

— Ну и дурак же ты, — сказала она вслух.

За окном хлопнула форточка.

Она поднялась, закрыла её, вернулась к столу и вставила ключ в замок нижнего ящика.

Ключ повернулся не сразу. Лера чуть ослабила нажим и попробовала снова.

Внутри лежали тонкая серая тетрадь, несколько фотографий в бумажном конверте и маленький чёрный диктофон. На диктофоне была наклеена полоска белого пластыря с надписью:

«Лере. Слушать одной».

Она взяла тетрадь.

На первой странице Артём записал даты, фамилии, какие-то короткие обозначения. Между строк встречались адреса и номера помещений. Лера не могла понять почти ничего, но почерк был его, и само это делало записи мучительно важными.

Из середины тетради выпал сложенный листок.

На нём значились всего три слова:

«Она ещё жива».

Лера подняла лист с пола.

Внизу была дата — за неделю до отъезда.

Она долго смотрела на эти три слова, пытаясь придумать объяснение, которое не заставило бы её снова усомниться во всём, что она знала о муже.

Потом положила листок рядом с письмом и взяла диктофон.

Кнопка включения не поддалась с первого раза. Она нажала сильнее. Экран мигнул голубым, показал почти разряженную батарею и один-единственный файл.

Запись длилась шесть минут и девятнадцать секунд.

Лера поставила диктофон на стол.

Несколько мгновений она не решалась нажать воспроизведение.

Ведь пока запись молчала, можно было представить что угодно. Что там объяснение про опасную работу, про чужую женщину, про старые долги. Что после прослушивания всё станет понятным и беспокойство наконец отступит.

Но она слишком хорошо знала Артёма, чтобы надеяться на простые ответы.

Лера нажала кнопку.

Сначала раздался негромкий шорох, затем щелчок, чей-то вздох.

— Так, — произнёс знакомый хрипловатый голос. — Не знаю, как такие вещи вообще записывают.

Лера прижала ладонь ко рту.

Это был не голос из сна. Здесь слышалось, как он откашлялся, отодвинул что-то по столу, неловко усмехнулся. Совершенно живые, ненужные звуки, от которых вдруг захотелось закричать.

— Лер, если слушаешь, значит, я так и не нашёл способ всё рассказать нормально. Наверное, ты сейчас сидишь за моим столом и хочешь меня придушить. Ты можешь. Когда-нибудь потом. Если получится.

Он помолчал.

— А пока выслушай меня до конца, ладно? Не выключай.

Лера наклонилась ближе.

Голос стал тише.

— Ты помнишь, я говорил, что у меня никого не осталось? Что мне некого искать и не к кому возвращаться, кроме тебя?

Лера сжала край стола; под ногтем хрустнула отслоившаяся краска.

— Я соврал, Лер. Не потому, что ты была мне чужой. Наоборот. Я боялся, что однажды моё прошлое доберётся и до тебя.

За окном прошуршали по мокрому асфальту шины.

Артём на записи глубоко вдохнул.

— У меня есть сестра. И именно из-за неё я уехал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
Имена в тетради

Лера не шевелилась. На столе перед ней лежал диктофон, размером меньше её ладони. Из его крошечного динамика доносился голос человека, которого она ещё вчера надеялась услышать только во сне.

— У меня есть сестра. И именно из-за неё я уехал.

Она ждала продолжения, но Артём замолчал. На записи что-то глухо стукнуло. Потом зашуршала ткань — наверное, он провёл ладонью по лицу, как делал всегда, когда не находил слов.

— Её зовут Марина. Она младше меня на четыре года. — Артём откашлялся. — Ты знаешь, что я не люблю рассказывать о детстве. Говорил, будто ничего интересного там не было. Это тоже неправда. Хорошего было мало, но Маринка была.

У Артёма была сестра. Лера подумала о семейных фотографиях, которых он никогда не показывал, о коротком «мы не общаемся» на любой её вопрос. Живой человек помещался в этом коротком ответе все годы их брака.

— Когда мы были маленькими, она боялась грозы, — продолжал Артём. — А я делал вид, что не боюсь. Сидел рядом, считал промежутки между молнией и громом. Она считала вместе со мной и каждый раз сбивалась на семи. До сих пор помню, как сердилась: «Начинай снова, ты быстро говоришь».

В голосе мелькнула усмешка, та самая, от которой Лера обычно начинала сердиться. Она представила двух детей под пледом, спорящих, успеет ли гром раньше семи.

— Двенадцать лет назад она пропала. Ей было семнадцать. Мне — двадцать один. Сначала говорили, что сама ушла, потом — что уехала куда-то и не хочет, чтобы её искали. Мне показывали бумаги, убеждали, что всё в порядке. Я тогда поверил не сразу, но в какой-то момент перестал задавать вопросы.

Лера стиснула руки под столом.

— Знаешь, от чего мне особенно гадко? Однажды я обрадовался. Пришло письмо, что она сама не хочет встречаться. Я провёл неделю без звонков и очередей. Купил нам краску для стен. Сидел рядом с тобой, спорил, какого цвета делать кухню. И ловил себя на мысли: пусть это письмо будет правдой. Лишь бы больше не искать. Вот в этом я себе до сих пор не признался.

Артём замолчал. В записи было слышно, как он передвигает стул, потом шуршит бумагой. Лера уже потянулась к телефону — проверить, не оборвался ли файл, — когда он заговорил снова.

— Ты тогда выбирала обои, помнишь? Я спорил, будто от цвета кухни зависела вся наша жизнь. Наверное, и зависела. Мне можно было спорить об обоях. А Маринке — нет. Я это знал и всё равно спорил.

На записи послышался короткий писк. Артём, должно быть, задел диктофон пальцем.

— Я не знаю, что с ней произошло. Не знаю даже, жива ли она. Но в августе появился след. Человек передал мне данные из старого журнала. Имя, год и место, которое я раньше не проверял. За Лесной станцией есть корпус, где всё ещё хранят оборудование и архивы. Меня взяли туда на работу, и я согласился. Остальное — в тетради. Только прошу, не делай выводов по первым попавшимся строчкам. Там много того, что я сам не успел проверить.

Лера перевела взгляд на серую тетрадь. На её первой странице было столько сокращений, что они походили на чужой язык.

— Я хотел рассказать тебе перед отъездом, — произнёс Артём. — Правда хотел. Но ты бы спросила, почему я молчал все эти годы. А я не придумал ни одного приличного ответа.

Она горько усмехнулась. Даже здесь он пытался оправдаться заранее, почти теми же словами, что говорил после ссор из-за пустяков.

— Ты бы ещё спросила, почему я еду один. И тогда мне пришлось бы выбирать: просить тебя поехать со мной или признаться, что я боюсь. Не за себя. За то, что снова подставлю кого-нибудь, кто мне дорог. Я устал бояться за всех, Лер. Но так и не научился иначе.

В динамике слышалось его дыхание. Потом где-то рядом с микрофоном звякнула ложка о чашку.

— Если всё окажется ошибкой, я вернусь и сам тебе это расскажу. Будешь ругаться, имеешь право. Если найдётся правда, тоже расскажу. А если не вернусь…

Он остановился надолго. Лера машинально посмотрела на экран. До конца оставалось чуть меньше минуты.

— Я не хочу, чтобы ты тратила свою жизнь на мои долги перед прошлым. Марина — моя сестра, а не твоя обязанность. И ты не должна никому ничего доказывать ради меня. Я просто не мог уехать, оставив тебе ещё одну ложь.

Следом раздался тихий скрип стула.

— И ещё. Помнишь, как ты говорила, что мне не обязательно быть сильным каждую минуту? Я тогда отшутился. А сейчас думаю — надо было тебя послушать. Надо было чаще говорить, когда страшно. И чаще просто оставаться дома.

Лера закрыла глаза.

— Люблю тебя, вредина, — сказал он уже совсем другим тоном, домашним, знакомым. — Ты это и так знаешь. Но пусть будет сказано.

Запись закончилась. На экране остались цифры: 06:19. Из этих минут Артём почти две молчал — Лера только теперь заметила, сколько в голосе было пустых промежутков, шороха одежды и нерешительных вдохов.

Она сидела, пока дисплей не погас. В кухне запустился мотор холодильника. Раньше Артём собирался починить его: мотор гудел слишком громко и иногда начинал дребезжать. Они всё откладывали вызов мастера, потому что техника, как ни странно, продолжала работать.

На соседнем стуле висел его старый домашний свитер. Лера смотрела на него и думала о том, что Артём записывал прощание, сидя за этим же столом, среди своих кружек и проводов. Возможно, он просто хотел оставить объяснение на случай неудачи. Возможно, уже тогда понимал, насколько опасно дело, за которое взялся.

Вторую возможность она пока не могла вынести.

✧

Фотографий оказалось пять.

На первой Артём был совсем молодым, с длинноватой чёлкой и непривычно открытым лицом. Рядом с ним стояла девочка в красной куртке. Они держали один зонт на двоих, но плечо девочки всё равно промокло. Она смеялась, запрокинув голову, и Артём смотрел не в объектив, а на неё.

Лера долго изучала этот снимок. Взгляд, линия носа, неровные брови — сходство было очевидным, хотя лица у них были разные. Она перевернула фотографию. На обороте шариковой ручкой было выведено: «Марина. Весна». Год не указан.

На двух других они были ещё младше. На одной — у облупленной калитки, на другой — в комнате с ковром на стене и маленькой искусственной ёлкой. Артём на этих снимках держался серьёзно и смотрел прямо в камеру, будто старался выглядеть взрослее своих лет. Марина то строила рожицу, то хватала его за рукав.

Лера задержала палец на краю фотографии. К человеку за камерой она почти ревновала. Кто-то стоял перед ними, просил не двигаться, нажимал на кнопку. Кто-то знал Артёма таким, каким она никогда не увидит. Ей хотелось расспросить этого человека обо всём: любил ли Артём сладкое, умел ли кататься на велосипеде, плакал ли, когда падал? И в то же время было больно представлять, сколько его жизни прошло до встречи с ней.

Четвёртый снимок был другим. Отпечаток на тонкой бумаге, полученный, вероятно, из цифрового файла. Нечёткая фигура женщины в длинной серой куртке у входа в двухэтажное здание. Лицо скрывал низко опущенный капюшон. На заднем плане виднелись водосточная труба и кусок вывески, с которой давно сошла краска.

Пятая фотография изображала не человека, а ту же постройку издали. Деревья за оградой, облезлую кирпичную стену, узкую дорогу, уходившую в лес. На листе не было ни даты, ни подписи.

Лера положила снимки по порядку. Три старые семейные фотографии, две новые. Артём отбирал их сам. Она стала искать общую деталь, но у неё были только места и лица: женщина могла оказаться кем угодно, а строение — любой заброшенной больницей или общежитием.

Она достала тетрадь.

Первый разворот был заполнен датами и фамилиями. Почерк Артёма здесь выглядел иначе, чем в письме: буквы сбивались в плотные группы, некоторые слова обводились дважды. Слева тянулась колонка годов. Справа — короткие пометки.

«2014 — М. — последнее подтверждённое появление?»

«2016 — записи нет».

«2018 — сверить фамилию».

«Н. Е. Соколова — ночные смены, спросить лично».

«Корпус Б. Архив? Не путать с мастерской».

Внизу страницы Артём провёл жирную черту и написал: «Со слов — не доказательство».

Лера подчеркнула эту фразу тонкой линией карандаша. Она вспомнила, как он относился к слухам. Если кто-нибудь в компании начинал пересказывать историю о знакомом, Артём перебивал: «Ты сам видел или тебе рассказали?» Люди обижались. Он пожимал плечами. Нередко его резкость казалась невоспитанностью; теперь она поняла, как дорого ему обошлось однажды поверить чужим словам.

На следующей странице были имена. Одно зачёркнуто, возле другого стояла звёздочка, третье сопровождалось телефонным номером без указания кода города. Среди них несколько раз повторялась фамилия Соколова. Артём то писал «Нина Евгеньевна», то оставлял одни инициалы.

Ближе к середине тетради она обнаружила страницу, которую он старательно расчерчивал линейкой.

Вверху было написано: «Что знаю».

Под заголовком — всего три пункта: «Марина существовала», «после августа четырнадцатого я её не видел», «документы противоречат друг другу».

Следующая колонка называлась «Что предполагаю». Там были вопросы, и каждый заканчивался знаком вопроса.

«Уехала сама?»

«Её имя заменили в списке?»

«Почему ночной журнал отдельно?»

Последняя колонка оставалась пустой. В её заголовке Артём написал: «Что могу доказать».

Лера почувствовала досаду. Он проделал столько работы и не сумел ответить на главное. Впрочем, она сама за последние недели привыкла цепляться за любое совпадение, обещавшее

возвращение Артёма. Возможно, именно поэтому его осторожность теперь казалась необходимой.

Она взяла чистый лист из принтера, положила рядом и вывела два слова: «Факты» и «Догадки».

Лера разделила лист пополам. Слева записала то, что Артём произнёс сам: «Марина — сестра», «Пропала в семнадцать». Справа — «Женщина из пожара — Марина?» Вопросительный знак она поставила крупнее остальных букв, как будто размер мог удержать догадку на месте.

Она снова посмотрела на имя Марины. Артём искал её, не сказав жене. Почему это казалось предательством, когда самого предательства Лера ещё не могла назвать?

Лера встала и пошла на кухню. Налила себе воды, выпила половину стакана и только тогда заметила, что всё это время держит диктофон в левой руке.

Она осторожно поставила его на подоконник.

— Я тебя услышала, — сказала она.

Ответил только холодильник — своим неровным, надоевшим гулом.

✧

Вечером ей позвонила мать.

— Ты так и не приехала, — сказала она без упрёка.

— Я дома. Разбираю Артёмовы бумаги.

— Ужинала?

— Нет.

— Я так и думала.

Лера почти улыбнулась. Раньше её раздражали эти вопросы. Теперь они напоминали, что существует человек, которому не нужно ничего объяснять, чтобы он продолжал заботиться.

— Мам, у Артёма была сестра.

На другом конце замолчали.

— Он тебе никогда о ней не рассказывал?

— Никогда. Я узнала сегодня. Из записи, которую он оставил.

— Господи. И что с ней?

— Пропала много лет назад. Он её искал.

Мать не стала спрашивать, зачем Лера полезла в прошлое погибшего мужа. Не сказала, что всё это бесполезно. Только спросила:

— Ты как сама?

Лера села на кухонную табуретку.

— Злюсь. На него. Представляешь?

— Очень даже представляю.

— Он знал, что я не отвернусь. Знал же. Почему не сказал?

— Может, боялся твоих вопросов. А может, своих ответов. Откуда мне знать, Лер?

— Я всё думаю, — произнесла Лера. — Если бы он тогда мне рассказал, мы бы поехали вместе? Я бы его остановила? Хоть что-нибудь было бы иначе?

— Этого никто не узнает.

— Ненавижу такой ответ.

— Знаю.

Лера посмотрела на холодильник, на магнит в виде маленького маяка, привезённый ими с Артёмом из короткой летней поездки. Один раз он уронил этот магнит, и верхушка откололась. Они не выбросили его, потому что Лере нравилось, как смешно он теперь выглядел.

— Мам, а когда папы не стало, ты тоже на него злилась?

Мать ответила не сразу.

— Конечно. За то, что не сходил вовремя к врачу. За то, что оставил меня разбираться с его инструментами. Даже за то, что в кладовке висела его куртка, а повесить её больше было некому.

— И прошло?

— Иногда до сих пор вспоминаю и сержусь. Это не отменяет того, что я его люблю.

Она не раз защищала Артёма, даже когда понимала, что он неправ. Сейчас это казалось особенно несправедливым: после смерти мужа она всё ещё продолжала спорить за него и с ним.

— Я тебе еды привезу, — сказала мать. — Без разговоров и воспитательных мер.

— Не надо. Я сама приготовлю.

— Это я уже слышала.

— Мам.

— Ладно, ладно. Только перезвони перед сном.

Лера положила телефон и открыла холодильник. Нашла яйца, кусок сыра и вчерашний хлеб. Сделала горячие бутерброды на сковороде, как любил Артём, — под крышкой, чтобы сыр успел расплавиться. Один съела стоя, второй отнесла в кабинет и оставила рядом с тетрадью.

Когда бутерброд остыл, она его всё-таки доела.

✧

Она позвонила Михаилу не сразу. Сначала записала вопросы на отдельном листке. Первым шло: «Он говорил о сестре?» Вторым: «Вы видели лицо женщины?» Третьим: «Куда она делась после выхода?»

Михаил ответил после четвёртого гудка.

— Лера?

Она удивилась, что он определил её по голосу. Потом вспомнила, что номер высветился на экране.

— Я прослушала запись.

В трубке что-то зашуршало.

— Понимаю.

— Нет, вы не понимаете. — Она посмотрела на листок и заставила себя говорить спокойнее. — Артём искал сестру. Марину. Он вам её упоминал?

— Нет.

— Совсем?

— О том, что у него есть сестра, я слышу впервые.

Лера отметила ответ галочкой, хотя не знала, верит ли ему. Михаил заметил паузу.

— Вы записываете?

— Да. Чтобы потом не вспоминать по памяти то, чего вы не говорили.

— Правильно делаете.

Её раздражало, что он не возражает.

— Вы сказали, что вывели женщину из корпуса. Вы видели её лицо?

— Нет. Капюшон, дым, плохой свет. И всё происходило быстро.

— Она что-нибудь говорила?

Михаил вздохнул.

— Просила не вызывать никого к ней. Я решил, что человек в шоке. Сказал, что надо идти к выходу. Она шла сама, хотя плохо держалась на ногах.

— И вы её отпустили?

— Я довёл до прохода между корпусом и сторожкой. Там уже было меньше дыма. Оглянулся, потому что услышал, как внутри что-то рухнуло. Когда снова посмотрел — женщины не было. Я побежал назад, искать Артёма.

Лера прижала телефон к уху.

— Почему вы мне раньше этого не сказали?

— Вы не спрашивали о том, что именно она делала после выхода. Я и сейчас не знаю, куда она ушла.

— Удобный ответ.

— Не спорю.

Она хотела оборвать разговор. Вместо этого спросила:

— Вы знали, что было в сумке, за которой он вернулся?

— Нет. Я видел чёрную сумку у лестницы. Он говорил что-то про журнал. Решил, что ему нужны бумаги. Позже, когда я узнал о несчастном случае, меня уже не пустили туда.

Слово «журнал» заставило Леру поднять глаза на тетрадь.

— Какой журнал?

— Не знаю. На объекте их было несколько. Учёт оборудования, смены, помещения. Я думал, это связано с нашей работой.

Она помолчала.

— У него здесь много фамилий. Нина Евгеньевна Соколова. Вам знакомо имя?

— Нет. Я не работал там в прежние годы. Большинство сотрудников вообще приехали недавно.

— А кто знает, кто работал раньше?

— Наверное, кто-то из местных. Старый корпус закрывали давно. Его охраняли, но некоторые люди продолжали приходить за документами.

— Я хочу туда поехать.

Михаил резко выдохнул.

— Лера, я бы не советовал одной.

— Я не прошу советовать.

— Тогда хотя бы не завтра. Давайте я попробую узнать, можно ли попасть на территорию законно. Не надо идти через забор или искать обходы. Там может быть опасно даже без всяких тайн.

Она посмотрела на снимок старого здания, лежавший рядом с листом вопросов.

— Я подумаю.

— И ещё, — сказал Михаил. — Если он оставил документы, не отдавайте их никому на слово. Сделайте копии, чтобы оригиналы оставались у вас. Это не доказательство преступления, но это всё, что у нас сейчас есть.

— «У нас»?

Он замолчал.

— Извините. У вас.

Лера не ответила. В его голосе она слышала усталость, но усталость не превращала его автоматически в союзника. Он молчал три недели, а теперь слишком настойчиво предлагал помощь.

— Я позвоню, когда решу, — сказала она и отключилась.

На листе с вопросами появился новый пункт: «Михаил не знает Соколову. Говорит, что был журнал».

Ни одна из этих записей не приближала Артёма к жизни. Но впервые после похорон Лера делала что-то, в чём был порядок. Каждому вопросу находилось место на бумаге. Каждое незнание можно было обозначить, не притворяясь, что оно уже превратилось в ответ.

✧

К ночи дождь вернулся. Он шёл ровно, без ветра; капли стекали по стеклу длинными дорожками, и фонарь во дворе за ними казался разрезанным на несколько полос.

Лера убрала фотографии в конверт. Диктофон положила в верхний ящик стола: батарея почти села, и она решила утром купить новые. Тетрадь оставила возле кровати.

Она погасила верхний свет. В комнате ещё долго не утихал свет от рекламы за окном.

В эту ночь сон пришёл не сразу. Лера то открывала глаза, то снова закрывала. Ей слышалось, как в подъезде хлопает дверь лифта, как сосед сверху двигает стул, как за стеной течёт вода. Она несколько раз протягивала руку на свободную половину кровати, но каждый раз возвращала её к себе.

Потом она оказалась на кухне.

Не нынешней — той, какой кухня была два года назад. На подоконнике стоял вазон с базиликом, который они давно загубили, пытаясь вырастить зелень посреди зимы. Над плитой висело старое полотенце, прожжённое на краю. За столом сидел Артём и что-то чинил, раскладывая мелкие винтики на газете.

Она узнала сцену. Вечер, когда у них сломался дверной звонок. Артём упрямо разбирал корпус, хотя Лера уже заказала новый.

— Он всё равно будет пищать, — сказала она, повторяя слова, которые произнесла тогда.

— А новый, конечно, будет петь оперу, — отозвался Артём.

Он поднял голову. Лицо было ясным: тень не прятала глаз, волосы растрепались над висками. Он смотрел на неё внимательно и немного виновато.

Лера остановилась у стола.

— Ты мог рассказать мне о Марине.

Винтик выпал из его пальцев и покатился по газете.

— Мог, — ответил он.

— Почему не рассказал?

Он не придумал шутки. Не стал ссылаться на опасность или говорить о том, что хотел защитить её.

— Мне стыдно было.

Лера почувствовала, как снова поднимается злость.

— За сестру?

— За себя. За то, что однажды перестал её искать. За то, что потом стал жить нормально и даже радовался. Будто получил право быть счастливым, пока с ней неизвестно что.

Она села напротив него. Газета между ними была совершенно сухой, хотя в памяти тот вечер пах мокрым картоном: Артём принёс запчасти из гаража под дождём.

— Ты ведь и меня сейчас оставил с этим, — произнесла Лера. — Мне стыдно, когда я смеюсь. Когда ем. Когда у меня получается прожить хотя бы час, не думая о тебе.

Артём опустил глаза.

— Знаю.

— Тогда зачем ты записал всё это? Чтобы я тоже всю жизнь что-то искала?

— Нет.

— А что мне делать?

Он положил отвёртку.

— Сама решишь, Лер. Я при жизни слишком часто решал за тебя. Не хочу и теперь.

Она протянула руку, и он коснулся её пальцев. Прикосновение было тёплым и удивительно обыкновенным, точно таким, как тогда, когда они сидели вместе за ужином и она невольно находила его ладонь под столом.

— Иногда мне кажется, что я тебя придумала, — прошептала она.

Он усмехнулся.

— Ты и при жизни половину наших споров вела за двоих.

— Это потому, что ты молчал.

— Ну вот, видишь.

Лера хотела обидеться, но не смогла. Он умел попасть в самое больное и тут же вернуть ей возможность дышать. Она соскучилась по этой неловкой, неидеальной манере любить.

Артём поднялся из-за стола. Его рука скользнула по её плечу, как скользила когда-то, если он проходил мимо стула в тесной кухне.

— Не делай её виноватой за то, что случилось со мной, — сказал он тихо.

— Я ещё даже не знаю, она ли это была.

— Вот именно.

Днём Лера уже повторяла себе похожие слова. Услышать их голосом Артёма всё равно оказалось легче.

Она не заметила, как сон изменился. Артёма уже не было рядом, зато на столе лежала газета со знакомым узором из жирных пятен. В прихожей зазвонил дверной звонок — тот самый, старый, который они так и не починили.

Лера проснулась.

Телефон показывал 04:12. В квартире никого не было. Звонок не звонил, только в батарее негромко щёлкнул металл.

Она какое-то время лежала, глядя в потолок. В другой комнате, на столе, оставались фотографии двух детей под одним зонтом. Впервые Марина не казалась ей безликой незнакомкой, из-за которой муж не вернулся. У девочки были свои страхи, свои шутки и семнадцать лет жизни, за которыми тянулось двенадцать лет неизвестности.

Лера поднялась, сходила на кухню за водой и вернулась в спальню с тетрадью.

Она собиралась лишь убрать её в ящик тумбочки, чтобы не помять во сне. Но тетрадь выскользнула из рук, ударилась о край кровати и раскрылась на заднем форзаце. Из-под картонной обложки выпала полоска бумаги, сложенная очень узко.

Лера подняла её и развернула.

На полоске было всего две строки, написанные другим почерком — ровным, мелким, без единого исправления:

«Соколова Нина Евгеньевна. Старое общежитие при Лесной станции, дом 6».

Ниже стояло: «Спросите о переводе в сентябре 2014-го. У неё сохранился журнал».

Лера прочла записку второй раз.

Слово «перевод» никак не вязалось с рассказом о девушке, которая якобы просто ушла из дома и уехала куда захотела. А «журнал» теперь повторялся в двух независимых местах: его упоминал Михаил, и о нём писал неизвестный человек, оставивший записку Артёму.

Она положила полоску рядом с тетрадью и включила настольную лампу.

На обороте бумаги обнаружился бледный отпечаток от штампа: часть круглой печати и несколько стёртых букв. Разобрать название было невозможно.

Лера достала чистый лист и аккуратно переписала адрес.

Утром она поедет к Лесной станции. Ей хотелось хотя бы раз услышать рассказ о Марине не из тетради Артёма и не от Михаила.

Она посмотрела на снимок под зонтом, оставшийся в открытом конверте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.